

НАШ ГОСТЬ

Донатас Банионис — народный артист СССР, хорошо известный нашим зрителям прежде всего по кино. Его актерская жизнь началась еще в 1941 году в Паневежском театре, который возглавлял знаменитый Мильтинис. В 1980 году Банионис стал его главным режиссером, а позднее — художественным руководителем и директором. Однако в 88-м пришел к министру и сказал, что решил покинуть свой пост. И покинул. Теперь он только актер. Хотя слово "только" здесь не уместно. Не часто Банионис приезжает из Литвы в Россию. Однако нам повезло: мы встретились с любимым нашим актером на кинофестивале "Созвездие", что проходил в ноябре в Москве.

Фото Л. ВОРОВЕВНОЙ

- Должна вам признаться, Донатас Юозович, что испытываю некоторую неловкость, разговаривая с вами, оттого, что практически ничего не знаю, как и многие другие люди, о том, чем вы сегодня живете. Связи разорваны...

— Я тоже ничего не знаю о том, чем живут многие мои коллеги, потому и согласился приехать в Москву на кинофестиваль "Созвездие". Специально договорился с режиссером, с которым репетирую новый спектакль, чтобы отпустил меня на недельку. Очень уж хотелось посмотреть, чем дышит сегодня центр кинематографа и театра. Да, да, я до сих пор считаю Москву театральным центром, ведь именно отсюда тянутся следы режиссеров мирового значения, последователей Станиславского, Михаила Чехова, Мейерхольда. Конечно, за годы советской власти, когда мы были отрезаны от всего мира, немного заклинилась наша профессия в отечественных пределах. Теперь пошла новая волна в искусстве, вот мне и интересно посмотреть, как мои коллеги пытаются выскочить из советского периода с его запретами и ограничениями.

- А что за спектакль вы репетируете сами?

— Это пьеса "Любовные письма"

Гарни на двух актеров. Когда-то мне понравилась ее постановка в Варшаве, где ту роль, что я теперь буду играть, исполнил Даниэль Ольбрыхский. Работа двух актеров требует невероятного напряжения. Это пьеса в письмах. Ее герои проживают на сцене целую жизнь с самого детства до шестидесятилетнего возраста. Героиня не в силах смириться с тем, что кто-то пытается ограничить ее человеческую свободу. А мой герой с годами все больше подчиняется всякого рода правилам, становится сенатором, жену берет такую, какую положено человеку его круга. Персонажи пьесы не могут жить друг без друга, но и вместе им быть не суждено. Почему я так подробно вам рассказал об этом спектакле? Потому что пытался таким образом изложить свой взгляд на искусство. На мой взгляд, художник должен жить, как героиня пьесы, пускай потом и придется закончить жизнь самоубийством. Творческий человек должен быть честным прежде всего.

- А публика в ваш знаменитый театр ходит?

— Да. Конечно, не так, как это было до восьмидесятого года. Но гораздо лучше, чем в девяностом. Имеем аншлаги часто. Сам я играю Лебедева в чеховском "Иванове" в постановке Эдуарда Марцевича. Когда-то мы с ним

снимались в "Красной палатке", подружился. Потом Эдуард Марцевич приехал в Паневежис учиться у Мильтиниса, стажировался в нашем театре. Так что он у нас свой человек. Я его попросил, и он поставил спектакль "Обыкновенная история" по Гончарову где-то в восьмидесятом году, и очень удачно. А года четыре назад сделал с нами "Иванова".

- На экране мы вас теперь редко видим. Снимаетесь где-нибудь?

— Снимаюсь у Булата Мансурова в картине "Теплые ветры древних булгар". Играю шведского советника при княгине Ольге. Мне приятно находиться перед камерой, особенно когда встречаешься с хорошим режиссером. В театре я получаю удовольствие от контакта со зрителем, когда он смеется, когда вдруг загрузит или заплачет. Для меня не существует четвертой стены. Когда я только начал сниматься, меня страшно раздражало, что не имею возможности играть для зрителя, а делаю это только для режиссера. Прошло это ощущение где-то на четвертом-пятом фильме. Теперь, когда звучит команда "Мотор!", мне приятно, что смотрит на меня этот глаз. Камера фиксирует то, чего в театре не сделать — твою мысль крупным планом. Когда-то очень

Евразия

ДОНАТАС БАНИОНИС:

Я приехал посмотреть, чем дышит Москва

Культура-1997-27 ноября-с.5

поразила меня игра американских, итальянских, французских актеров. Они словно глазами говорили. Думал тогда: "Ах, если бы я мог так играть!" В советском кинематографе, и, видимо, это шло от немого кино, от Эйзенштейна, были выразительные, экспрессивные планы и не было той тонкости, которая появилась к тому времени в европейском кино. И оно стало школой для меня. Я попытался это использовать в "Мертвом сезоне" Кулиша, карти-

обстоятельство. Чем дальше, тем большее значение приобретает этот фильм. Значит, Андрей пошел немного впереди со своей философией. У материалистов бытие определяет сознание. У Андрея человеческое достоинство является основополагающим, ответственность, которую ты несешь перед миром за то, что живешь. Что для тебя другой человек: человек или что-то не самое существенное. Работая с Тарковским, я приобретал основу, важ-

потом он уже перестал этому сопротивляться. Мне не нравятся режиссеры, которые берут великих авторов — Чехова, Шекспира, Гоголя — и таким образом расправляются с их текстами, что убивают там человека, разбивают все на символы и метафоры. Тем самым отказываются от постижения глубины. Возможно, кто-то сочтет меня отсталым. Но лично мне это неинтересно. Мы отбираем слова у Шекспира, красивые слова, из которых рождается интонация. Драматический театр связан для меня прежде всего со словом, а не трюком. На сцене важен человек. Кто-то расценивает все эти эксперименты со словом, с текстом, как новое направление. Я же считаю, что с ними оно и кончится. Авангард — тоже ведь явление времени. Очень хорошо по этому поводу сказал мой учитель Мильтинис: "Не старайтесь искать новое, старайтесь найти вечное". Вечное и будет новым. А новое через год станет не новым. А вот что есть суть традиции? Никто не может сегодня определить. Это ведь не привычка, а что-то более глубинное. Десять заповедей — это традиция или не традиция? Но не надо штампы называть традицией.

- Донатас, тяжело сегодня живется актеру?

— Мне нет. Я пришел в театр в самые трудные времена. Шел сорок первый год. Мне было шестнадцать лет. Мильтинис взял меня в ученики. Я бросил школу в Каунасе и уехал к нему в Паневежис. Денег тогда почти не получали. Случалось, что и поесть не приходилось. Была война, послевоенное время тяжелое, и ничего — прожил. Теперь, думаю, что еще хорошо живу. Работаю. Свобода, которая у нас появилась, пока ничего не дала. Мы и раньше ставили очень хорошие спектакли, разрушая запреты, обходя их.

Кадр из фильма "Солари"

не "Никто не хотел умирать" Жалакявичюса. Вот это была школа — работа с Жалакявичюсом! Встреча с Тарковским — это подарок Бога, судьбы. Как это случилось, что я попал в его орбиту? Если вы наберете мою фамилию в Интернете, сразу выскочит "Солари". Самолюбие это или что-то другое, но мне так приятно это

нужно для художника. В детстве я любил ходить в кино, смотрел все, что удавалось. Умудрялся проникать иной раз и без билета, денег-то не было. Думал о кино с детства, но потом театр вошел в мою жизнь. Мильтинис был настроен против того, чтобы мы снимались в кино, считая его коммерческим искусством. Только

Кадр из фильма "Никто не хотел умирать"

- Многие талантливые люди просто-напросто не вписались в новую жизнь.

— Если ты работаешь добросовестно, то и не чувствуешь никакого дискомфорта. Мне другое не нравится. Пробило восемь часов, и человек, как по звонку, несется куда-то, сниматься, например, бросая незаконченное в театре. Профессия все больше переходит в какое-то ремесло. Раньше мы на часы не смотрели, работали столько, сколько требовалось. Только вдруг заметишь, что на дворе-то уже светает. И никому в голову не приходило спрашивать, сколько за это будут платить. Хотелось одного: быть на сцене и хорошо сыграть. Да и сейчас мы делаем более или менее то, что хотим. Нет теперь, конечно, таких театров, какими были в свое время БДТ, "Современник", театр Мильтиниса. Зато теперь иногда встречаешь своих знакомых, расспрашиваешь, как они живут, и тут выясняется, что человек служит в одном театре и имеет в придачу свой собственный. А театр этот — труппа из пяти человек, разъезжающая повсюду с целью заработать хорошие деньги. Говорят, что это прогрессивно. И фильмы теперь иной раз делают ради того только, чтобы деньги заработать. Мне не хочется попадать в такие проекты.

Должен вам сказать, что получил удовольствие от того, что мне удалось высказать вам то, что обычно некому говорить. Многих интересуют какие-то бытовые подробности твоей жизни, а вот кто такой Мильтинис, не знают.

- Читала, читала о вас в одной российской газете. Чуть ли

не сыр вы производите.

— Много лет уже я отдыхаю в городке Рокишкис. Недалеко от него есть большое красивое озеро Сартай. Туда мы приезжаем всей семьей, с внуками, живем в пансионате, принадлежащем сыроварному заводу. Там производят отличный сыр, который продают теперь во всем мире. Может отсюда все и пошло? Я не делаю сыр, а только ем его.

- Это опять-таки к вопросу об обособленности друг от друга. Некий вакуум, замкнутость — они стали ощутимы в результате разного рода политических перипетий?

— Безусловно. Мы закрыты. Как было бы хорошо, когда бы мы были лучше настроены по отношению друг к другу. Конечно, за пятьдесят лет советской власти Литва настрадалась. Да вот на примере моей собственной семьи можно это понять. Отец жены попал в тюрьму за то, что был хозяином восьмидесяти гектаров земли, а значит, принадлежал к вражескому классу, уничтожаемому в те годы. Брата жены отправили в Воркуту как политзаключенного. Два других брата тоже подверглись репрессиям. Как можно после этого любить большевиком? Из-за большевистской политики мы очень отстали от мира. Думаю, это пройдет. Сегодня в Литве все взоры устремлены на Запад. Но наступит равновесие между Западом и Востоком. Можно, конечно, сказать, что мы обойдемся без России, а Россия — без нас. Но это неверное мышление. Отмежевываться от культуры другой страны, значит, обречь себя на провинциализм.

**Беседу вела
Светлана ХОХРЯКОВА**